

политика

А.А. Михалева

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ И РЕЛИГИОЗНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ: ПРАВОСЛАВНЫЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ¹

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00502.

Анастасия Анатольевна Михалева — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра изучения политических трансформаций Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (Улан-Удэ). Для связи с автором: afan-project@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу практик взаимодействия российского государства и Русской православной церкви в Восточной Азии в постсоветский период. Характер этого взаимодействия, как полагает автор, во многом определяется концепцией «соотечественников» — единого транснационального сообщества людей, которые проживают вне территориальных границ РФ, но составляют с ней единое целое. В рамках этой концепции православие рассматривается как важнейшая характеристика, обеспечивающая солидарность этого сообщества и вписывающая его в общее с Россией культурное пространство. Поддерживая действия РПЦ в регионе, российское государство надеется на усиление в нем своих позиций. Однако степень реального влияния РПЦ на проживающих там носителей русской культуры делает эти надежды довольно зыбкими.

По мнению автора, заключив себя в рамки концепции «соотечественников» и поставив знак равенства между русскими и православными, российское государство и Церковь серьезно ограничились возможную отдачу от тех усилий, которые прилагаются ими для повышения своего веса в азиатском регионе. Апеллируя к сообществу православных и подчеркивая его существование вне политических границ, и та, и другая сторона объявляют его национальным. Между тем микросообщества людей с российскими корнями, разбросанные по всей Восточной Азии, не образуют стабильного транснационального сообщества, скрепленного религией, которое могло бы играть значимую роль на региональном уровне. В итоге, делая акцент на выстраивании диалога с транснациональным сообществом соотечественников, российское государство и РПЦ *de facto* взаимодействуют с разрозненными структурами, довольно сильно отличающимися друг от друга в социальном, экономическом и культурном плане.

Ключевые слова: религия, государство, политика, границы, транснационализм

Государственные границы в современном мире трансформируются, их постоянно пересекают все увеличивающиеся потоки людей, денег и товаров. Социальные и культурные нормы, информация тоже не связаны рамками национальных государств. В этих условиях возрастает роль негосударственных акторов — НКО, транснациональных корпораций, этнических сообществ и т.д. Немаловажное место среди таких акторов занимают религиозные организации. Приспосабливаясь к новым реалиям, правительства национальных государств пытаются встроить их деятельность в свою политику.

Религия, особенно в контексте мощного тренда к десекуляризации, позволяет поддерживать уже имеющиеся групповые идентичности и выстраивать новые, способные лечь в основу транснациональных сообществ, существующих вне рамок национальных государств. Религиозным организациям в принципе свойственно прилагать усилия, направленные на увеличение числа своих последователей, но в данном случае речь идет о ситуации, когда это происходит при участии национального государства. Так, Русская православная церковь (РПЦ) и руководство Российской Федерации не раз публично заявляли о сотрудничестве за пределами России².

Тот факт, что РПЦ влияет на внешнюю политику России и, в свою очередь, используется государством для решения международных задач, фиксируют многие авторы³. Но если Церковь действительно становится инструментом внешней политики, то ее сотрудничество с государством в этой сфере должно осуществляться не только на уровне деклараций, но и на уровне реальных практик. Изучению факторов и механизмов перехода от декларативных заявлений о сотрудничестве к их практическому воплощению и посвящена настоящая статья. Исследование проводится на материале Восточной Азии, где по целому ряду обстоятельств (исторически слабое присутствие православия, снижавшее заинтересованность российского государства в использовании РПЦ для продвижения своего влияния в регионе, и резкое повышение такой заинтересованности после «восточного разворота» во внешнеполитическом курсе страны⁴) этот переход принял наиболее отчетливые формы.

² *Состоялась встреча 2019.*

³ *См., напр. Evans 2002; Payne 2010; Blitt 2011; Suranović 2013.*

⁴ *Торкунов 2014.*

Религия и транснационализм

Политические и социальные перемены последних лет актуализировали проблему транснациональных сообществ и отношений. В условиях глобализации регулярные трансграничные взаимодействия превратились в неотъемлемую характеристику современного мира.

Религиозные организации и религия в целом являются сегодня одним из ключевых компонентов транснационализма⁵. Большое значение на международном уровне имеют транснациональные религиозные сообщества. Представляющие их организации участвуют в обсуждении важнейших проблем глобальной повестки дня и пытаются внести свой вклад в их разрешение. Транснациональная активность религиозных акторов все больше расширяется, выходя за рамки традиционных сфер

⁵ *См., напр. Della Cava 2001; Roudometof 2015.*

гуманитарной помощи, образования и медицины и охватывая такие проблемные области, как права женщин, торговля людьми, глобальное потепление и др.⁶ Подобными вопросами занимается, в частности, Всемирная конференция «Религии за мир» — крупнейшая в мире мультиконфессиональная организация, включающая в себя влиятельных религиозных деятелей из 92 стран.

⁶ Marshall 2008: 195.

⁷ Согласно имеющимся данным, более трети религиозных конфликтов приходится именно на Азию (Svensson and Nilsson 2018).

Религия играет существенную роль в транснациональных конфликтах⁷. Начало конфликта влечет за собой актуализацию идентичностей, а религиозная принадлежность относится к числу наиболее важных из них. Как следствие, в конфликт вовлекаются не только местные акторы, но и их единоверцы из других стран. Таким образом, религия оказывается одной из причин, почему даже локальные конфликты могут выходить за пределы национальных государств. Вместе с тем не стоит забывать и об оборотной стороне этого вопроса — участии религиозных акторов в урегулировании подобных конфликтов.

⁸ Fox 2013: 200. См. также Армстронг 2013.

Транснациональным является религиозный фундаментализм. Как происхождение, так и повестка религиозного фундаментализма носят транснациональный характер⁸. Многие фундаменталистские движения стремятся к утверждению своих взглядов в масштабах планеты в целом. Другими словами, для них транснационализм — это главная цель⁹.

⁹ Fox 2013: 200.

На транснационализацию религиозных организаций работают и массовые миграции как неотъемлемая составляющая глобального мира. Благодаря современным средствам связи и транспорту переезд в другую страну сейчас отнюдь не обязательно оборачивается полным разрывом прежних связей, что ускоряет образование транснациональных сообществ. Посредниками в создании и поддержании таких сообществ нередко становятся религиозные организации, превращающиеся в центры этнообщин и поставщиков социальных услуг. Они помогают мигрантам сохранять свою культурную самобытность в неприязненной, а иногда и враждебной среде и поддерживать связь с родиной, вместе с тем облегчая их интеграцию в местное сообщество. В свою очередь, появление массы адептов той или иной религии за пределами ареала ее распространения ведет к формированию транснациональных религиозных сетей¹⁰.

¹⁰ Liu-Farrer 2011.

Расположение сакральных мест также стимулирует религиозные организации и общины, которые они представляют, выступать в качестве транснациональных акторов. «География памяти» имеет критическое значение для поддержания религиозных общин добровольно или вынужденно переселившихся. Наличие транснационального религиозного сообщества, способного обеспечить доступ к сакральным местам за границей, позволяет смягчить травмирующие последствия «детерриториализации»¹¹.

¹¹ Sing 2015.

Религиозный подъем в условиях глобализации вынуждает религиозные организации конкурировать между собой, так или иначе пересекая границы национальных государств. Игнорирование необходимости выхода на глобальный уровень, исполнения роли транснационального

актера грозит религиозной организации уничтожением или, по меньшей мере, снижением влияния и числа последователей даже на уровне конкретного региона.

Перспективы, открывающиеся перед религиозными организациями как транснациональными акторами, способными оказывать серьезное воздействие на мировую политику, привлекают внимание и национальных государств. В большинстве своем они стремятся осмыслить новую ситуацию, нивелировать ее негативные для себя последствия. В то же время религиозная составляющая транснационализма может быть использована национальными государствами для продвижения своих интересов на международной арене как на глобальном, так и на локальном уровне.

Пытаясь поставить транснационализм себе на службу, государства выстраивают свою политику вокруг возможности преодоления границ, однако явление транснационализма *per se* превращается при этом в абстракцию. В рамках данного подхода религиозные организации интересуют государство как представители транснациональных сообществ, но в ходе взаимодействия с такими организациями сами эти сообщества могут отходить на второй план или вообще утрачивать значимость¹². Так, в отношениях российского государства и РПЦ решающее значение приобретают усилия последней по укреплению позиций православия в регионах, где светские власти стремятся нарастить присутствие России. Иначе говоря, РПЦ отводится роль «естественного партнера Кремля и Министерства иностранных дел Российской Федерации»¹³, «форпоста защиты исторического и духовного достояния Родины»¹⁴.

Постоянные отсылки современного российского государства и РПЦ к русскому православному сообществу — *русскому миру* — заставляют задаться вопросом о том, на что в действительности направлены их совместные проекты — на благо транснационального православного сообщества или на продвижение интересов российского государства? И существует ли вообще транснациональное православное сообщество¹⁵, во всяком случае в Восточной Азии?

На уровне деклараций Россия всегда поддерживала создание и/или возрождение организаций, позиционирующих себя в качестве представителей *единого* сообщества соотечественников на местном уровне. Однако практическое воплощение эта политика стала приобретать лишь с начала 2000-х годов.

Сегодня подобного рода организации разбросаны по всей Восточной Азии. Какие-то из них существуют уже продолжительное время, какие-то созданы недавно, но и те и другие, пытаясь обосновать свое право говорить от имени соотечественников, апеллируют к истории. Так, русские клубы объявляют о своей связи с носителями русской культуры, некогда проживавшими на данной территории, прежде всего из числа эмигрантов начала XX в. К аналогичной аргументации прибегает и РПЦ.

¹² По сути дела, речь идет о воспроизводстве описанной Мишелем Фуко ситуации, когда государственный интерес — это отношение государства к самому себе, его самопроявление, где фактор населения в лучшем случае лишь намечен (см. Фуко 2011: 362).

¹³ Яжиньска 2013.

¹⁴ Предстоятель 2019.

¹⁵ О том, способны ли православие в принципе служить объединению людей, разделенных государственными границами, см. Hänterli 2010.

Транснациональное православное сообщество в Восточной Азии

Когда в 2001 г. президент РФ Владимир Путин выразил сожаление по поводу разобщенности, слабости организаций соотечественников и призвал российскую диаспору к консолидации и укреплению связей с Россией, в публичных выступлениях представителей РПЦ тут же зазвучали ссылки на объединяющую функцию православия. Поиск сохранившихся зданий православных церквей, а также мест, где они когда-то располагались, и борьба за право ими распоряжаться превратились в важнейшие направления работы РПЦ в Восточной Азии. В этой работе она опиралась на людей, причислявших себя к сообществу соотечественников, которые, в свою очередь, стали подчеркивать значение православия и своих действий как членов такого сообщества с точки зрения международного положения России. Весьма показательным в этом отношении является заявление преподавателя Токийского университета иностранных исследований Элеоноры Саблиной: «Я благодарю японский МИД, что мне дали возможность изучить Православие в Японии, так как это основа русско-японских отношений на все времена. И взаимопонимание между Россией и Японией идет от православных»¹⁶.

¹⁶ Элеонора Саблина 2018.

Эта тенденция прослеживается во всей Восточной Азии. Православие становится важной объединяющей характеристикой соответствующего транснационального сообщества. В сочетании с рядом других оно образует «русскую культуру», как определяют ее в публичном пространстве. Храмы строят «в русской архитектурной традиции»¹⁷, деятельность епархий позиционируется как «активность русского национального меньшинства»¹⁸, а местные священники прямо говорят о «духовном окормлении православных русскоязычных граждан»¹⁹. Православная и русская идентичности сливаются воедино.

¹⁷ Православная община 2006.

¹⁸ Малек 2007.

¹⁹ Современное положение 2010.

Несколько выделяется на общем фоне Южная Корея, где за православные приходы с РПЦ конкурирует Константинопольская церковь, в чьей юрисдикции находится большинство из них. Чтобы легитимировать свое присутствие в стране, РПЦ обращается к истории: «Лишь в 1955-м году, лишённые архипастырского попечения и не без влияния военного присутствия иностранных держав в Южной Корее, сохранившиеся приходы Русской Православной Церкви присоединились к архиепископии Константинопольского Патриархата в Америке. Признать законным происшедший под давлением политических сил переход клира и общин в другую юрисдикцию (без всяких отпустительных грамот) вряд ли представляется возможным»²⁰.

²⁰ Открытое письмо 2019.

Одним из важнейших аргументов РПЦ в ее борьбе с Константинопольским патриархатом является ссылка на существование единого азиатского сообщества православных соотечественников, сформировавшегося благодаря историческому процессу возрождения РПЦ в ее современном виде. То есть это сообщество позиционируется не просто как православное, но как принадлежащее к пастве РПЦ, а тем самым — и к русской культуре.

Не допустить размывания единого сообщества соотечественников, объединенных историей, языком и религией, — так в 2006 г. описывал

главную задачу РПЦ за пределами России будущий патриарх Московский и всея Руси Кирилл: «Самое ужасное, что может произойти сейчас, в начале XXI века, — это ассимиляция нашей диаспоры. Я хотел бы просто с этой трибуны, зная хорошо первую миграцию русскую, от всего сердца поблагодарить наших дедов, может быть, уже праотцев наших, которые... сделали все для того, чтобы сохранить русскую культуру, веру свою, систему ценностей, в которой были воспитаны они и их предки. Удивительно, когда четвертое поколение первой эмиграции помнят русский язык, говорят по-русски, знают русскую литературу, посещают православные храмы. <...> Вот главная задача, которая стоит перед православной русской церковью, — предотвратить ассимиляцию, ассимиляцию тех людей, которые в силу открытости России сегодня живут везде в мире»²¹.

²¹ *Материалы Всемирного конгресса 2006: 27.*

С точки зрения РПЦ, православное сообщество объединяет людей не только общей религией. В ее глазах все три упомянутые Кириллом характеристики (русская культура, вера, система ценностей) едины, и если у кого-то они представлены не полностью, то эта ситуация нуждается в исправлении. Сознательно ограничивая поле своей деятельности за рубежом сообществом православных соотечественников, РПЦ подчеркивает необходимость целенаправленных усилий по его формированию (создание православных приходов, поддержка изучения русского языка и т.п.). И в этом отношении она рассчитывает на помощь со стороны российского государства, тем более что ее нарратив об исключительности народа России и его особой судьбе был полностью им интегрирован²².

²² *Curanović 2019.*

Российская власть и РПЦ как партнеры в Восточной Азии

Институционально отношения между российскими властями и РПЦ определяются концепцией поддержки соотечественников. Эта концепция предполагает работу с различными организациями, позиционирующими себя в качестве представителей людей, которые проживают вне территориальных границ России, но составляют с ней единое целое (или, по крайней мере, тесно связаны с российским обществом), то есть апеллирующими к транснациональному сообществу.

Понятие соотечественников появилось в официальных документах в 1990-е годы, а в 1999 г. был принят федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». Формально в нем были прописаны все направления этой политики, но реализовываться на практике, во всяком случае в Восточной Азии, он начал не сразу. Однако постепенно стало появляться все больше проектов, направленных на поддержку соотечественников, и РПЦ активно включилась в их осуществление.

Патриарх Московский и всея Руси Алексей II был одним из докладчиков на Первом Всемирном конгрессе соотечественников, прошедшем в Москве в октябре 2001 г. В своем выступлении он обозначил позицию, которая станет определять место РПЦ в российской внешней

политике: православие — главный фактор, объединяющий транснациональное сообщество российских соотечественников. «Русская Православная Церковь, — доказывал Алексей, — была и остается хранительницей единства народа. Она не позволила расколоть своих чад по национальному, территориальному или политическому признаку. Она стремится проявлять заботу о нашей диаспоре, умножающейся на всех континентах. Ее послание соотечественникам, находящимся за рубежом, просто и неизменно: помните, что мы — один народ Божий, который создает свое будущее в верности многовековой духовной традиции и в открытости к окружающему миру»²³.

²³ *Конгресс 2001: 580.*

Распространение в Восточной Азии совместных проектов РПЦ и российской власти по поддержке соотечественников началось с Монголии. Российское посольство и торгпредство активно участвовали в возрождении в стране православного прихода²⁴. Посетивший Монголию летом 2001 г. Кирилл, бывший тогда председателем Отдела внешних церковных связей Московского патриархата, в ходе своего визита получал поддержку со стороны посольства и генерального консульства РФ в Эрденэте²⁵. В 2009 г. Путин, занимавший в то время пост премьер-министра России, лично помог завершить оформление документов на землю, на которой был возведен Троицкий храм²⁶. Созданная в 2008 г. Ассоциация российских соотечественников, руководствующаяся в своей деятельности федеральной программой РФ по работе с соотечественниками за рубежом, с самого начала ориентировалась на тесное сотрудничество с РПЦ «в целях возрождения духовного наследия»²⁷.

²⁴ *Сабиров 2007: 405.*

²⁵ *Примечательно, что, комментируя итоги визита, Кирилл акцентировал важность строительства православного храма именно для проживающих в Монголии россиян (см. Визит 2001), тем самым дав понять, что общее распространение православия в стране не входит в задачи РПЦ.*

²⁶ *В Улан-Баторе 2014.*

²⁷ *Организации 2018.*

²⁸ *Новый китайский завет 2014.*

²⁹ *За исключением Гонконга, где иностранные граждане не ограничены в своей религиозной деятельности.*

В Китае теоретически существует собственная православная церковь, автономная от РПЦ, хотя и входящая в состав Московского патриархата. Она не имеет регистрации на общегосударственном уровне, и РПЦ, периодически поднимая вопрос о нормализации ее положения²⁸, включает любую активность православных сообществ в сферу своих интересов. В Китае постепенно восстанавливаются приходы, настоятелями которых становятся священники РПЦ. Именно восстановление приходов и урегулирование их статуса являются главными направлениями совместной работы российского государства и РПЦ в этой стране, поскольку формально, согласно законам КНР, приходы и храмы там могут действовать лишь на территории дипломатических миссий²⁹.

Большую активность в этом отношении проявляет Русский клуб в Шанхае, добившийся выселения ресторана и ночного клуба из зданий, когда-то принадлежавших Церкви. Сейчас эти здания охраняются местным муниципалитетом, а в одном из них — кафедральном соборе в честь иконы Божьей Матери «Споручница Грешных» — в 2019 г. состоялось пасхальное богослужение. Как отметил в своем интервью настоятель православной общины Шанхая, «дипломаты Генерального консульства РФ в Шанхае в сотрудничестве с китайской стороной создали возможность отметить праздник Пасхи в православном соборе иконы Божьей Матери „Споручница Грешных“, что на улице Синьлэ („Новая радость“). Эта Пасха в соборе — уникальный случай просто

зайти внутрь храма за многие десятилетия его бездействия. Сегодняшнее событие — это еще и свидетельство растущего взаимного доверия и дружбы между народами России и Китая»³⁰.

³⁰ Христово
Воскресение 2019.

Стоит отметить, что это распространенная практика — рассматривать совместные действия российских государственных органов и РПЦ с точки зрения имиджа России и ее позиций на международной арене. Так, в отчете Комиссии по вопросам международной деятельности казачьих обществ и объединений Совета при Президенте РФ по делам казачества за 2009 г. подчеркивалось, что реализуемый ею с вместе с РПЦ проект по поиску казачьих реликвий за рубежом будет способствовать «восстановлению связи с казаками-эмигрантами и их потомками с целью решения внешнеполитических и имиджевых задач России»³¹. Апелляция к казакам в данном случае призвана легитимировать присутствие РПЦ и российского государства на зарубежной территории через историю. Нарратив о казаках во Внутренней Азии³² позволяет описывать сообщество соотечественников с русской и православной идентичностью, и на официальной странице МИД РФ появляются посты с заголовками вроде «У потомков русских казаков в Пекине появилась надежда встретить Рождество в храме»³³. Так происходит закрепление за православием роли инструмента внешней политики и расширения влияния РФ в Восточной Азии, хотя в действительности проекты РПЦ ориентированы исключительно на «соотечественников», доля которых в населении региона не дотягивает даже до уровня статистической погрешности.

³¹ Отчет 2010.

³² Peshkov 2017.

³³ Материалы
Комиссии 2014.

Соотечественники определяются как носители русской культуры, но в их число входят далеко не все говорящие по-русски или имеющие российские корни. Хотя на крупных официальных мероприятиях, таких как Всемирные конгрессы соотечественников, проживающих за рубежом, неизменно подчеркиваются масштабы этого сообщества, на самом деле в него включены лишь люди, занимающие активную позицию и стремящиеся поддерживать связи с Россией. Их представляют небольшие локальные организации (клубы, ассоциации и т.п.), которые и становятся объектами внимания со стороны РПЦ и российского государства. Однако локальный характер подобных организаций, как и апелляция к истории для легитимации открытия приходов РПЦ (события, происходившие в данном месте, церкви, которые некогда там располагались, и т.д.), неизбежно актуализируют местные особенности. В итоге, пытаясь сформировать единое транснациональное сообщество путем содействия созданию и функционированию организаций соотечественников, российские власти и РПЦ тем самым активизируют внутренние различия, что ставит под вопрос перспективы его существования без государственной и церковной поддержки.

Заключение

Понятие границы является ключевым для концепции соотечественников, которую используют российское государство и РПЦ для обоснования своего присутствия в Восточной Азии. Границы стираются,

когда конструируется единое сообщество людей, именуемых соотечественниками, чьи характеристики (одной из которых выступает православие) вписывают их в общее с Россией культурное пространство. Когда же надо объяснить политику российского государства и Церкви в отношении этой группы, существование границ приобретает решающее значение (проживание за рубежом ставит людей в уязвимое положение, вынужденные находиться в чуждой среде, они нуждаются в помощи в формировании своей и т.д.).

О необходимости и естественности своего партнерства с властью РПЦ начала говорить с момента появления современного российского государства. В свою очередь представители власти неоднократно подчеркивали значимость православия и РПЦ для России, в том числе на международной арене. Признание важности православия открыло новые перспективы для взаимодействия с разбросанными по миру русскими диаспорами. Поскольку эти диаспоры довольно сильно отличались друг от друга и от сегодняшней России в социальном, экономическом и культурном плане, православие стало тем фактором, который позволял объединить их в единую группу. Как следствие, сотрудничество государства и Церкви за пределами страны, в том числе в Восточной Азии, оказалось сконцентрировано на работе с соотечественниками.

Хотя слово «соотечественники» появилось в официальных документах и выступлениях представителей властных структур и РПЦ еще в начале 1990-х годов, широкое распространение применительно в Восточной Азии оно получило лишь десятилетие спустя. Более того, в 1990-е годы в регионе практически не было совместных государственно-церковных проектов, а сам он находился на периферии внимания РПЦ. Контакты между нею и российской властью по вопросам, касающимся проживающих там соотечественников, если и имели место, то не носили системного характера.

С наступлением нового столетия ситуация меняется. Из разрозненных заявлений политиков поддержка соотечественников постепенно превращается в стройную систему мероприятий с комплексом документально закрепленных норм, повторяющимися событиями и проектами, к участию в которых привлекаются зарубежные организации, говорящие от имени этих соотечественников. При этом обращаться к ним позволяет именно религия, которая объявляется одной из основных черт, связывающих соотечественников с российским обществом. В этой ситуации сотрудничество РПЦ и государственных органов выглядит вполне естественным, что легитимирует контакты между ними, снимая вопрос о допустимости участия религиозной организации во внешнеполитической деятельности светского государства.

Оформившись в 2000-е годы, в 2010-х годах данная модель получает содержательное наполнение. И здесь обнаруживается интересный феномен. Российское государство официально признает необходимость участия РПЦ в решении стоящих перед ним внешнеполитических

задач, а та поддерживает государственные инициативы. Представители РПЦ приглашаются на совещания, проводимые органами власти; публичное пространство наполняется документами, определяющими параметры их взаимодействия. Однако механизм осуществления ими конкретных совместных программ отсутствует, и на практике каждая из сторон предпочитает действовать самостоятельно, ограничиваясь декларативными заявлениями о взаимной помощи. Отчасти такое положение вещей, по-видимому, объясняется тем, что РПЦ уделяет Восточной Азии намного меньше внимания, чем западным соседям России. Но есть и другая причина. Заклучив себя в рамки концепции соотечественников и поставив знак равенства между русскими и православными, российское государство и Церковь серьезно ограничили возможность совместной работы по повышению своего веса в азиатском регионе. Апеллируя к сообществу православных и акцентируя его существование вне политических границ, и та, и другая сторона объявляют его национальным. Между тем микросообщества носителей русской культуры, разбросанные по всей Восточной Азии, не образуют единого стабильного транснационального сообщества людей, объединенных религией, которое могло бы играть значимую роль на региональном уровне. В итоге, подчеркивая важность друг друга в выстраивании с диалога с транснациональным сообществом соотечественников, российское государство и РПЦ de facto взаимодействуют с разрозненными структурами.

Библиография

- Армстронг К. (2013) *Битва за Бога: История фундаментализма*. М.: Альпина нон-фикшн.
- «В Улан-Баторе звонят колокола». (2014) // *Православный паломник*. URL: <http://journalpp.ru/page.php?id=689> (проверено 25.09.2019).
- Визит митрополита Кирилла в Монголию*. (2001) URL: <https://mospat.ru/archive/2001/08/nr107122/> (проверено 25.09.2019).
- Конгресс соотечественников, проживающих за рубежом, 11–12 октября 2001 года, Москва: Итоговые материалы*. (2001) М.: Дрофа.
- Малек Р. (2007) *Возрождение православия в Китае*. URL: <http://www.pravoslavie.ru/41365.html> (проверено 25.09.2019).
- Материалы Всемирного конгресса соотечественников: Итоговый стенографический сборник*. (2006) СПб.: Человек и здоровье.
- Материалы Комиссии по международной деятельности российского казачества*. (2014) URL: http://www.mid.ru/materialy-komissii-po-voprosam-kazac-ih-obsestv/-/asset_publisher/aLRfN6MT9msV/content/id/790330 (проверено 25.09.2019).
- «Новый китайский завет». (2014) // *Lenta.ru*, 22.08. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/08/21/chinareligion/> (проверено 25.09.2019).
- Организации соотечественников в Монголии*. (2018) URL: <http://mng.rs.gov.ru/ru/activities/584> (проверено 25.09.2019).

Открытое письмо патриаршего экзарха Юго-Восточной Азии митрополиту корейскому Амвросию (Константинопольский патриархат). (2019) URL: <http://www.pravoslavie.ru/123370.html> (проверено 25.09.2019).

Отчет о работе Комиссии по вопросам международной деятельности казачьих обществ и объединений Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества в 2009 году. (2010) URL: http://www.mid.ru/web/guest/materialy-komissii-po-voprosam-казачьих-обществ/-/asset_publisher/aLRfN6MT9msV/content/id/266594 (проверено 25.09.2019).

Православная община в г. Нагоя (Япония) собирает средства для строительства храма. (2006) URL: <http://www.pravoslavie.ru/18584.html> (проверено 25.09.2019).

Предстоятель Русской Православной Церкви принял участие в Пасхальном приеме в Министерстве иностранных дел. (2019) URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5437816.html> (проверено 25.09.2019).

Сабиров Р.Т. (2007) «Русская православная церковь в Монголии: история и современность» // Бектимирова Н.Н., ред. *Три четверти века Д.В.Деопику — друзья и ученики.* М.: Памятники исторической мысли: 401—409.

Современное положение православия на Корейском полуострове. (2010) URL: <https://www.vladivostok-eparhia.ru/eparhia/history/?ID=3285> (проверено 25.09.2019).

Состоялась встреча Святейшего Патриарха Кирилла с министром иностранных дел РФ С.В.Лавровым. (2019) URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5410771.html> (проверено 25.09.2019).

Торкунов А.В. (2014) «К вопросу о новой восточной политике России» // *Вестник МГИМО-Университета*, № 1 (34): 9—13. URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/2071-8160-2014-1-34-9-13/3> (проверено 25.09.2019).

Фуко М. (2011) *Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977—1978 учебном году.* СПб.: Наука.

Христово Воскресение в Шанхае. (2019) URL: <https://www.russianshanghai.com/blog/post12063> (проверено 25.09.2019).

Элеонора Саблина: «Япония сделала меня православной». (2019) URL: <http://www.pravoslavie.ru/112944.html> (проверено 25.09.2019).

Яжиньска К. (2013) «Русская православная церковь как часть государства и общества» // *Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре*, № 4: 142—152. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2013/4/russkaya-pravoslavnaya-czerkov-kak-chast-gosudarstva-i-obshhestva.html> (проверено 25.09.2019).

Blitt R.C. (2011) «Russia's „Orthodox“ Foreign Policy: The Growing Influence of the Russian Orthodox Church in Shaping Russia's Policies Abroad» // *Journal of International Law*, vol. 33, no. 2: 364—460.

Curanović A. (2013) «The Post-Soviet Religious Model: Reflections on Relations between the State and Religious Institutions» // *The CIS Area Religion, State and Society*, vol. 41, no. 3: 330–351.

Curanović A. (2019) «Russia's Mission in the World: The Perspective of the Russian Orthodox Church» // *Problems of Post-Communism*, vol. 66, no. 4: 253–267.

Della Cava R. «Transnational Religions: The Roman Catholic Church in Brazil and the Orthodox Church in Russia» // *Sociology of Religion*, vol. 62, no. 4: 535–550.

Evans A. (2002) «Forced Miracles: The Russian Orthodox Church and Post-Soviet International Relations» // *Religion, State and Society*, vol. 30, no. 1: 33–43.

Fox J. (2013) *An Introduction to Religion and Politics: Theory and Practice*. London: Routledge.

Hämmerli M. (2010) «Orthodox Diaspora? A Sociological and Theological Problematisation of a Stock Phrase» // *International Journal for the Study of the Christian Church*, vol. 10, no. 2–3: 97–115.

Liu-Farrer G. (2011) «Religion and Migration in Northeast Asia» // *Journal of Asia-Pacific Studies*, no. 16: 59–77. URL: https://www.researchgate.net/publication/277156760_Religion_and_Migration_in_Northeast_Asia (accessed on 25.09.2019).

Marshall K. (2008) «Religion and Global Development: Intersecting Paths» // Banchoff T., ed. *Religious Pluralism, Globalization, and World Politics*. New York: Oxford University Press: 195–226.

Payne D.P. (2010) «Spiritual Security, the Russian Orthodox Church, and the Russian Foreign Ministry: Collaboration or Cooptation?» // *Journal of Church and State*, vol. 52, no. 4: 712–27.

Peshkov I. (2017) «In the Shadow of „Frontier Disloyalty“ at Russia—China—Mongolia Border Zones» // *History and Anthropology*, vol. 28, no. 4: 429–444.

Roudometof V. (2015) «Orthodox Christianity as a Transnational Religion: Theoretical, Historical and Comparative Considerations» // *Religion, State and Society*, vol. 43, no. 3: 211–227.

Sing D. (2015) «Reinventing Agency, Sacred Geography and Community Formation: The Case of Displaced Kashmiri Pandits in India» // Brunn S.D., ed. *The Changing World Religion Map: Sacred Places, Identities, Practices and Politics*. New York: Springer: 397–414.

Svensson I. and D.Nilsson. (2018) «Disputes over the Divine: Introducing the Religion and Armed Conflict (RELAC) Data, 1975 to 2015» // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 62, no. 5: 1127–1148.

A.A.Mikhaleva

POLITICAL BORDERS AND RELIGIOUS SOLIDARITY: ORTHODOX COMPATRIOTS IN EAST ASIA

Anastasia A. Mikhaleva — Ph.D. in Political Science; Senior Researcher at the Center for the Study of Political Transformations, Dorji Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude). Email: afan-project@mail.ru.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the practices of interaction between the Russian state and the Russian Orthodox Church in East Asia in the post-Soviet period. The nature of this interaction, as the author believes, is largely determined by the concept of “compatriots” — a single transnational community of people who live outside the territorial borders of the Russian Federation, but form a unified whole with Russia. Within the framework of this concept, Orthodoxy is considered to be the most important characteristic that ensures solidarity of this community and its common cultural space with Russia. By supporting actions of the Russian Orthodox Church in the region, the Russian state hopes to strengthen its own position in the region. However, the real influence of the Russian Orthodox Church on the native representatives of the Russian culture who live there shakes these hopes.

According to the author, the Russian state and the Church, by having exclusively focused on the concept of “compatriots” and putting a sign of equality between Russians and Orthodox Christians, have seriously limited the possible returns on the efforts they make to increase their weight in the Asian region. By appealing to the Orthodox community and emphasizing its existence beyond the political borders, both sides declare it a national community. Meanwhile, micro-communities of people with Russian roots scattered throughout East Asia do not form a stable transnational community, held together by religion, which could play a significant role at the regional level. As a result, when the Russian state and the Russian Orthodox Church focus on building a dialogue with the transnational community of compatriots, they de facto interact with disparate structures that are quite different from each other in social, economic and cultural terms.

Keywords: religion, state, politics, borders, transnationalism

References

- Armstrong K. (2011) *Bitva za Boga: Istorija fundamentalizma* [The Battle for God: A History of Fundamentalism]. Moscow: Al'pina non-fikshn. (In Russ.)
- Blitt R.C. (2011) “Russia’s „Orthodox“ Foreign Policy: The Growing Influence of the Russian Orthodox Church in Shaping Russia’s Policies Abroad” // *Journal of International Law*, vol. 33, no. 2: 364–460.

Curanović A. (2013) “The Post-Soviet Religious Model: Reflections on Relations between the State and Religious Institutions” // *The CIS Area Religion, State and Society*, vol. 41, no. 3: 330–351.

Curanović A. (2019) “Russia’s Mission in the World: The Perspective of the Russian Orthodox Church” // *Problems of Post-Communism*, vol. 66, no. 4: 253–267.

Della Cava R. “Transnational Religions: The Roman Catholic Church in Brazil and the Orthodox Church in Russia” // *Sociology of Religion*, vol. 62, no. 4: 535–550.

Eleonora Sablina: “Japonija sdelala menja pravoslavnoj” [Eleanor Sablina: “Japan Made Me Orthodox”]. (2019) URL: <http://www.pravoslavie.ru/112944.html> (accessed on 25.09.2019). (In Russ.)

Evans A. (2002) “Forced Miracles: The Russian Orthodox Church and Post-Soviet International Relations” // *Religion, State and Society*, vol. 30, no. 1: 33–43.

Foucault M. (2011) *Bezopasnost’, territorija, naselenie: Kurs lektisij, pročitannykh v Kollzh de Frans v 1977–1978 uchebnom godu* [Sécurité, territoire, population: Cours au Collège de France (1977–1978)]. St Petersburg: Nauka. (In Russ.)

Fox J. (2013) *An Introduction to Religion and Politics: Theory and Practice*. London: Routledge.

Hämmerli M. (2010) “Orthodox Diaspora? A Sociological and Theological Problematisation of a Stock Phrase” // *International Journal for the Study of the Christian Church*, vol. 10, no. 2–3: 97–115.

Jarzyńska K. (2013) “Russkaja pravoslavnaja tserkov’ kak chast’ gosudarstva i obshchestva” [Russian Orthodox Church as Part of the State and Society] // *Neprikosnovennyj zapas: Debaty o politike i kul’ture* [NZ: Debates on Politics and Culture], no. 4: 142–152. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2013/4/russkaya-pravoslavnaya-czerkov-kak-chast-gosudarstva-i-obshhestva.html> (accessed on 25.09.2019). (In Russ.)

Khristovo Voskresenie v Shankhae [The Resurrection of Christ in Shanghai]. (2019) URL: <https://www.russianshanghai.com/blog/post12063> (accessed on 25.09.2019). (In Russ.)

Kongress sootechestvennikov, prozhivajushchikh za rubezhom, 11–12 oktjabrja 2001 goda, Moskva: Itogovye materialy [Congress of Compatriots Living Abroad, 11–12 October 2001, Moscow: Final Materials]. (2001) Moscow: Drofa. (In Russ.)

Liu-Farrer G. (2011) “Religion and Migration in Northeast Asia” // *Journal of Asia-Pacific Studies*, no. 16: 59–77. URL: https://www.researchgate.net/publication/277156760_Religion_and_Migration_in_Northeast_Asia (accessed on 25.09.2019).

Málek R. (2007) *Vozrozhdenie pravoslavija v Kitae* [Revival of Orthodoxy in China]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/41365.html> (accessed on 25.09.2019). (In Russ.)

Marshall K. (2008) “Religion and Global Development: Intersecting Paths” // Banchoff T., ed. *Religious Pluralism, Globalization, and World Politics*. New York: Oxford University Press: 195–226.

Materialy Komissii po mezhdunarodnoj dejatel'nosti rossijskogo kazachestva [Materials of the Commission on International Activities of the Russian Cossacks]. (2014) URL: http://www.mid.ru/materialy-komissii-po-voprosam-kazac-ih-obsestv/-/asset_publisher/aLRfN6MT9msV/content/id/790330 (accessed on 25.09.2019). (In Russ.)

Materialy Vsemirnogo kongressa sootechestvennikov: Itogovyj stenograficheskij sbornik [Materials of the World Congress of Compatriots: The Final Shorthand Collection]. (2006) St Petersburg: Chelovek i zdorov'e. (In Russ.)

“Novyj kitajskij zavet” [New Chinese Testament]. (2014) // *Lenta.ru*, 22.08. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/08/21/chinareligion/> (accessed on 25.09.2019). (In Russ.)

Organizatsii sootechestvennikov v Mongolii [Compatriots' Organizations in Mongolia]. (2018) URL: <http://mng.rs.gov.ru/ru/activities/584> (accessed on 25.09.2019). (In Russ.)

Otchet o rabote Komissii po voprosam mezhdunarodnoj dejatel'nosti kazach'ikh obshchestv i ob'edinenij Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federatsii po delam kazachestva v 2009 godu [Report on the Work of the Commission on International Activities of Cossack Societies and Associations of the Council under the President of the Russian Federation on Cossack Affairs in 2009]. (2010) URL: http://www.mid.ru/web/guest/materialy-komissii-po-voprosam-kazac-ih-obsestv/-/asset_publisher/aLRfN6MT9msV/content/id/266594 (accessed on 25.09.2019). (In Russ.)

Otkrytoe pis'mo patriarshego ekzarkha Jugo-Vostochnoj Azii mitropolitu korejskomu Amvrosiju (Konstantinopol'skij patriarkhat) [Open Letter of the Patriarchal Exarch of Southeast Asia to Metropolitan Ambrose of Korea (Constantinople Patriarchate)]. (2019) URL: <http://www.pravoslavie.ru/123370.html> (accessed on 25.09.2019). (In Russ.)

Payne D.P. (2010) “Spiritual Security, the Russian Orthodox Church, and the Russian Foreign Ministry: Collaboration or Cooptation?” // *Journal of Church and State*, vol. 52, no. 4: 712–27.

Peshkov I. (2017) “In the Shadow of „Frontier Disloyalty“ at Russia—China—Mongolia Border Zones” // *History and Anthropology*, vol. 28, no. 4: 429–444.

Pravoslavnaja obshchina v g. Nagoja (Japonija) sobiraet sredstva dlja stroitel'stva khrama [The Orthodox Community in the City of Nagoya (Japan) Is Raising Funds for the Construction of a Church]. (2006) URL: <http://www.pravoslavie.ru/18584.html> (accessed on 25.09.2019). (In Russ.)

Predstojatel' Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi prinjal uchastie v Paskhal'nom prieme v Ministerstve inostrannykh del [Primate of the Russian Orthodox Church Attends Easter Reception at the Ministry of Foreign Affairs]. (2019) URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5437816.html> (accessed on 25.09.2019). (In Russ.)

Roudometof V. (2015) “Orthodox Christianity as a Transnational Religion: Theoretical, Historical and Comparative Considerations” // *Religion, State and Society*, vol. 43, no. 3: 211–227.

Sabirov R.T. (2007) “Russkaja pravoslavnaja tserkov’ v Mongolii: istorija i sovremennost’” [Russian Orthodox Church in Mongolia: History and Modernity] // Bektimirova N.N., ed. *Tri chetverti veka D.V.Deopiku — druž’ja i ucheniki* [Three-quarters of a Century to D.V.Deopik — Friends and Disciples]. Moscow: Pamjatniki istoricheskoy mysli: 401—409. (In Russ.)

Sing D. (2015) “Reinventing Agency, Sacred Geography and Community Formation: The Case of Displaced Kashmiri Pandits in India” // Brunn S.D., ed. *The Changing World Religion Map: Sacred Places, Identities, Practices and Politics*. New York: Springer: 397—414.

Sostojalas’ vstrecha Svjatejshego Patriarkha Kirilla s ministrom inostrannykh del RF S.V.Lavrovym [His Holiness Patriarch Kirill Met with Russian Minister of Foreign Affairs S.V.Lavrov]. (2019) URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5410771.html> (accessed on 25.09.2019). (In Russ.)

Sovremennoe polozhenie pravoslavija na Korejskom poluostrove [The Current State of Orthodoxy on the Korean Peninsula]. (2010) URL: <https://www.vladivostok-eparhia.ru/eparhia/history/?ID=3285> (accessed on 25.09.2019). (In Russ.)

Svensson I. and D.Nilsson. (2018) “Disputes over the Divine: Introducing the Religion and Armed Conflict (RELAC) Data, 1975 to 2015” // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 62, no. 5: 1127—1148.

Torkunov A.V. (2014) “K voprosu o novoj vostochnoj politike Rossii” [On the New Russian Eastern Policy] // *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], no. 1 (34): 9—13. URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/2071-8160-2014-1-34-9-13/3> (accessed on 25.09.2019). (In Russ.)

“V Ulan-Batore zvonjat kolokola” [Bells Ring in Ulaanbaatar]. (2014) // *Pravoslavnyj palomnik* [Orthodox Pilgrim]. URL: <http://journalpp.ru/page.php?id=689> (accessed on 25.09.2019). (In Russ.)

Vizit mitropolita Kirilla v Mongoliju [Metropolitan Kirill’s Visit to Mongolia]. URL: <https://mospat.ru/archive/2001/08/nr107122/> (accessed on 25.09.2019). (In Russ.)